

ТА РОЗА, КОТОРАЯ ВНЕ ТЛЕНЬЯ И СТИХА... (ЭТЮД О РОЗЕ БОРХЕСА И ЭКО)

Елена Е. Бразговская

Пермский педагогический университет, Россия

*Nihil enim visibilium rerum corporaliunquē est, ut arbitror,
quod non incorporale quid et intelligibile significet –*
Я полагаю, что нет ни одной зримой и телесной вещи,
которая не означала бы нечто нетелесное и
умопостигаемое.

Иоанн Скот Эриугена

*Quia enim in formis rerum visibilium pulchritudo
invisibilis pulchritudinis imago est –*
Ибо красота зримых вещей заключается в их форме...
но видимая красота есть образ красоты невидимой.

Гуго Сен-Викторский

This article is presented the attitude of U. Eco and J. Borges towards the main problems of philosophy of language: representation and naming. The following issues have been analysed in the text: the relations between language, reality, cultural universe (medieval philosophy studies) and representation. From our point of view, the problem of naming (the name of rose) has to be studied in multidisciplinary context of semiotics, linguistics, logic, philosophy and even artistic (fiction) discourse.

The processes of representation and giving the names to objects of reality are based on the realism and nominalism as the main epistemological positions of medieval philosophy. From the realist point of view, reality consists of ideas of things, or every thing is the realization of its idea that existed before things (оба дивных кота – и в зеркале, и во плоти – подобья одного вневременного прообраза). So if we want to represent reality, we use general names as main signs.

The dividing line between general and individual names concerns not only of objects they stand for (refer to), but also the manifestation form of signs. Our language has the same sign for naming individual thing (this rose) and class of things (rose as a type). For distinction these signs we have to add attributes (predicate signs) to things (their names) which are being described. So the name without predicate is classified as general name. In discussion of universalia U. Eco and J. Borges joins to realists, that is why they refer to essence, to idea of rose and doesn't describe its attributes. Their semiotic conception we define as naming of essence.

Данная работа посвящена проблеме онтологического статуса «общих» предметов и языковых способов их отображения. Материалом исследования стали художественные тексты Умберто Эко и Хорхе Луиса Борхеса, предметом рефлексии в которых выступает роза¹.

© Е.Е. Бразговская, 2006

¹ Eco U. Imię rózy / U. Eco. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987. Эко У. Остров накануне / У. Эко. СПб.: Симпозиум, 1999. Борхес Х.Л. От аллегорий к романам // Х.Л. Борхес. Соч. в 3 т. Рига: Полярис, 1994. Т. II. С. 123-126; Беппо // Указ. изд. Т. III. С. 232; Мчатль или быть? // Указ. изд. Т. III. С. 246; Поиски Аверроэса // Указ. изд. Т. I. С. 439-446; Everything and nothing // Указ. изд. Т. II. С. 185-187; Роза // Указ. изд. Т. III. С. 12; Блейк // Указ. изд. Т. III. С. 238; Unending rose // Указ. изд. Т. III. С. 192; Роза Парацельса //

Почему именно роза? Здесь хотелось бы отметить три момента.

1. В культуре конца XX в. роза связывается напрямую с рядом борхесовских текстов и в особенности с «Именем розы» У. Эко. Несомненно, что названных авторов интересовала семантическая амбивалентность этого символа, возможность сопрягать посредством него христианскую, исламскую и буддийскую традиции, европейскую и восточные культуры. Объясняя в «Записках на полях «Имени розы»» название своего романа, Эко отмечает, что роза, как символическая фигура, содержит в потенции множественную одновременность различных планов значений и «беременна» таким количеством смыслов, что уже словно и не содержит ни одного в отдельности (Есо 1987: 594). Роза, соответственно, позволяет символизировать защищаемое Эко положение о множестве интерпретаций.

Из неохватного множества значений этого символа приведем лишь следующие. Роза символизирует *небесное совершенство*: в европейском искусстве и христианстве этот цветок выступает атрибутом богини Венеры и Девы Марии (розы Небес, розы без шипов, т.е. безгрешной). В финале «Божественной комедии» Данте (Рай XXX–XXXIII) в высшем плане неба поэт видит огромную пламенеющую розу, лепестки которой – души праведных, а высший из них – богородица. Небесная роза воплощает образ универсума и высшего блаженства.

В мистических и христианских традициях роза олицетворяет время, вечность и соразмерность. Так, четырехлепестковая роза указывает на четверичное деление космоса, пятилепестковая и шестилепестковая – на микрокосм и макрокосм, соответственно. Розетка, мистическая роза на витражах средневековых храмов отображает возрождение духовного после смерти тленного, а крест в сочетании с пятью лепестками розы означает Воскресение и радость.

В то же время роза вводит в пространство размышлений и о *земном существовании*. Так, у иранского поэта Хафиза роза символизирует любовь, красоту и девственность. Увядание же розы связывается со смертью, скорбью и скоротечностью земного существования, а ее колючки – с болью, кровью и мученичеством.

Объединяя земное и небесное существование, роза становится совершенным символом всеохватывающего единства, божественной гармонии мироздания.

2. Роза – это один из символов, которые, во-первых, становятся «персонажами» текстов Борхеса и Эко, а во-вторых, связывают эти тексты в единое пространство интертекста. В равной мере для Борхеса и для Эко автор есть пленник собственных предпосылок и прежде прочитанного. Создавая свои тексты, оба использовали стратегии «текст о тексте», «текст в тексте», сюжеты с «садом расходящихся тропок». Эко, как блестящий медиевист, ссылается на интерпретации символа розы в средневековых философских трактатах и на средневековый «Роман о Розе». Роза Борхеса обращена к традициям средневековой арабской литературы, положениям арабского мыслителя Аверроэса и философа-алхимика Парацельса. Между Эко и Борхесом обнаруживаются и непосредственные семантические связи. Мимолетное упоминание о Парацельсе в «Имени розы» У. Эко однозначно связывается с борхесовской новеллой «Роза Парацельса» и размышлениями об истинном имени розы.

3. Отдельный предмет внимания в данной работе – интерпретация символа розы обоими авторами в контексте философии языка, в частности, средневековой дискуссии об универсалиях. Отличительной особенностью текстов Борхеса и Эко является следующее

положение: в пространство художественного высказывания здесь «внедрены» традиционные вопросы философии языка (отношение языка к реальности, языковая форма отображения мира, истинность отображения, язык как инструмент создания мира и др.), так что текст занимает маргинальное положение между философией, литературой, семиотикой и лингвистикой, не относясь целиком ни к одной из этих сфер. История культуры уже давала пример подобной нерасчлененности. Вспомним, что и у средневековых мыслителей данные вопросы рассматривались исключительно в контексте теологии и философии (логики).

Круг текстовых значений символа роза

Лингво-философский контекст рассуждений о розе исходит у Эко и Борхеса из следующей аксиомы: в основе любых стратегий отображения лежит представление об онтологической структуре реальности. Воспроизводя сущность средневековых философских **дискуссий об универсалиях**, или форме существования «общих» предметов², Борхес отмечает, что все люди рождаются последователями либо номиналиста Аристотеля, либо идеалистического реалиста Платона («От аллегорий к романам»), а соответственно, и все языки описания мира могут рассматриваться как номиналистические (описывающие многообразие наблюдаемого), или реалистические (предназначенные для именования сущностей).

Для номиналистов единственной реальностью выступает мир дискретных наблюдаемых предметов, а лингвистической формой его представления – система знаков (терминов, по У. Оккаму), отображающих вещные референты. Номинация же абстрактных объектов (родов и видов вещей, отношений между вещами) происходит в процессе интеллектуального постижения мира, и потому знаки абстрактных объектов – это слова, мысленные конструкции, не имеющие внеязыковых референтов (*universalia sunt nomina*).

Для реалистов же, и это позиция Борхеса и Эко, в основании мира лежат универсальные образцы всех вещей или, по Борхесу, их *чистые архетипы, вневременные прообразы* («Мчат или быть?»). Реалисты исходили из положения «*universalia sunt realia*»: первичной, или истинной реальностью обладают только «общие» предметы – то *ratio*, которое зафиксировано в сущности вещи еще до того, как она получит реальное бытие. И более того, сущность возникает прежде существования (*universalia ante rem*). Сама возможность актуализации, например, всех возможных роз обеспечивается предшествующим существованием их прообраза – розы вообще, или некоторой *розости*. С точки зрения Иоанна Скота Эриугены, материя создавалась из свернутых умопостигаемых свойств: *ex ipsis causis et substantiis, mundus iste, coagulatis videlicet illarum qualitatibus, processerat* – этот мир появился из самих причин и субстанций (т.е. идей) после сгущения качеств. Соответственно, любое существование разворачивается только из предзаданной ему сущности:

- так, у Борхеса *оба дивных кота – и в зеркале, и во плоти – подобья одного вневременного прообраза* («Беппо»); *божеству ведомы лишь общие законы вселенной, то, что касается видов, а не индивидуума* («Поиски Аверроэса»);

- у Эко находим замечание о том, *что камень чувствует свою каменность*, что он должен отграничивать себя самое как субстанцию – *каменность* – от собственных акциденций – быть холодным, горячим, обладать формой и т.д. («Остров накануне»). В «Имени розы» устами Вильгельма Баскервильского высказывается, что идеи всего, что

² Согласно положению Бозция «*Genera et species aut sunt et subsistunt aut intellectu et sola cogitatione formantur*» – роды и виды существуют и имеют самостоятельное бытие, или же образуются разумом и одним лишь мышлением (Бозций 1991).

создано или будет создано, живут в сознании Бога, даже если номиналист Уильям Оккам выступает против этого.

Если мир двигался от архетипа к слепку, то язык, напротив, «делает шаг назад от актуального к возможному» (Эпштейн 2001: 64), поскольку, с точки зрения реализма, он предназначен для отображения, в первую очередь, сущностей вещей, а затем уже и их самих:

Та роза,

Которая вне тленья и стиха, ...

Любого сада, на любом закате... («Роза». Выделено мной. – Е.Б.)

Предметом высказывания здесь является вневременное бытие розы, а не атрибуты, определяющие способ ее существования. Отображаемый Борхесом мир – это *квази*-предметы, *прото*-вещи. Они лишены индивидуирующих характеристик, поскольку описание неизбежно приводит к переходу инварианта в один из его вариантов, к превращению сущности вещи в ее конкретное существование. Сущность розы (*что составляло розу*) – не цвет, не запах, *не вес воздушных лепестков*, а то, что таится *в небе, полном ангелов, и в тайном, незыблемом и необъятном мире* («Блейк»). Роза – вневременная идея (*unending rose*), *единая вовеки, вовеки роза роз* («Роза»). В ней заключено все множество ее свершившихся и не свершившихся актуализаций, все будущие *поколенья роз* («*Unending rose*»)³.

Со времен средневековья в европейской культуре символ роза становится инструментом для вариаций на тему *ubi sunt* – **преходящесть сущего**. И это значение также интерпретируется У. Эко и Х.Л. Борхесом в контексте философии языка. Размышляя в пространстве *ubi sunt*, Эко выделяет сугубо лингвистический аспект этой темы: уходя, вещи оставляют нам свои *чистые имена* («Записки на полях...»). Язык говорит и об ушедшем, и о еще не свершившемся – ведь имя вещи всегда соотносится с ее изначальной идеей. Произнесение имени (реальность нашего языка) «доказывает» реальность мира архетипов и, в свою очередь, обеспечивается этой реальностью. В борхесовском эссе «Желтая роза» умирающий Джамбаттиста Марино вдруг *увидел* в стоящей в бокале розе именно ту розу, которую видел в раю Адам, *и понял, что она жива собственной вечностью, а не нашими словами*.

Подобно Борхесу, Эко (в форме отсылки к Абеляру) принимает положение о связи общего имени с прообразом вещи: будет ли иметь смысл слово «роза», если все розы исчезнут, и больше не будет роз? Как означающее для конкретного референта, оно с исчезновением последнего прекратит свое существование. Однако имя, обладающее значением, сохранится: мы сможем говорить хотя бы о несуществовании роз, поскольку их идея продолжает пребывать вне времени (Жильсон 2004: 213, 218). С точки зрения семиотики, мы просто изменим онтологическую природу референта: конкретный референт перейдет в область мыслимого, возможного.

Не на этот ли «реалистический» способ рассуждений указывает Умберто Эко, заканчивая «Имя Розы» латинской цитатой: *stat rosa pristina nomine, nomina nuda tenemus* – исчезнувшая роза продолжает существование в имени, и все, что у нас есть, – только имена (Перевод мой. – Е.Б.)? Однако, сам Эко в «Записках на полях...» упоминает и о возможности прочесть эту цитату в контексте философии номинализма: все, чем мы

³ Ср. со следующими положениями средневековых философов: у Гилберта Порретанского воспринимаемые нами формы предстают как копии (*exemplā*), происходящие от образца (*exemplar*). Согласно Авиценне, постижение мира происходит в восхождении от конкретного объекта мышления к другой мыслимой реальности – сущности объекта, неизменной для бесконечного множества индивидов.

обладаем, говоря об абстрактных или исчезнувших объектах, – это действительно только знаки других знаков. Таким образом, Эко, подобно его герою Вильгельму Баскервильскому, избегает однозначного ответа в решении проблемы универсалий, занимая в этом вопросе позицию между реалистом Роджером Бэконом и номиналистом Уильямом Оккамом. Если мир и творился по архетипам, то в земном существовании человек не может не оперировать знаками знаков. В «Имени розы» записи Адсона открываются и заканчиваются замечаниями о Слове, с которого начиналось творение, и которое осталось (пребыло) и после исчезновения сущего.

Попытки разрешения проблемы универсалий в средневековой философии открывали возможности обнаружить процедуры **сопричастности земного и горнего миров**: *глубинное тождество жизни, сна и представления*, по Борхесу («Everything and nothing»). С позиции реализма, «все вещи предлагают опору и поддержку мышлению в его восхождении к вечности, ...возводят понимание жизни до его высочайшего уровня» (Хейзинга 1988: 225). У И.С. Эриугены знаками Бога выступают предметы чувственно воспринимаемой красоты. В этом смысле и Борхес говорит о языке как карте мироздания, а не как о всего лишь системе произвольных символов («От аллегорий к романам»). В «Имени розы» Эко дважды воспроизводятся строки, приписываемые Алану Лилльскому: *Omnis mundi creatura, Qasi liber et pictura. Nobis est in speculum – В мире нашем все творенья нам дают изображение, как стекло зеркальное...*, а Вильгельм читает по знакам книгу природы, чтобы постигнуть Книгу Бытия.

В текстах Борхеса представлено **вероятностное поле (смутный мир) значений** символа розы: он обладает и каждым из них, и всеми вместе:

*Ты – музыка и небо,
Чертоги, духи, реки, – потайная,
Бездонная, вневременная роза... («Unending rose»).*

*Роза таится в чаше, и в бою,
И в небе, полном ангелов, и в тайном,
Незыблемом и необъятном мире,
И в торжестве невидимого Бога,
И в серебре совсем иных небес... («Блейк»).*

Борхес видит свой символ как *моток, чью нить расправит только вечность* («Голем»). Говоря о неисчерпаемости символических интерпретаций (*беспредельные глубины розы*), он вспоминает слова Иоанна Скота Эриугены о том, что Священное Писание напоминает оперение павлина, переливающееся бесчисленным множеством красок.

Умберто Эко расширяет это уже, казалось бы, неисчерпаемое множество значений. В его текстах роза связана также с концепцией «верного пути» (долготы, или *линии Розы* в «Острове вчерашнего дня»), с орденом розенкрейцеров, поисками Грааля и симметрией мира («Маятник Фуко»). Роза предстает как символ целостности, возвышающийся над контекстом повествования о «расчленениях» – ересях, раздробляющий монолитный христианский универсум средневековья, и описаниях казней, символически (через расчленение тела) отображающих данные преступления (Лотман 1998: 650-669). Этот символ, введенный в название романа («Имя розы») отсылает и к значению «неразглашение тайны»: «имя розы» может быть прочитано и в контексте латинского выражения *sub rosa* (в буквальном переводе – «под розой», под печатью молчания, не для

разглашения). Тогда самым названием уже утверждается, что все, сказанное «под розой», под ее именем (а это пространство всего повествования) обладает сокрытыми планами значений и заранее допускает множественность интерпретаций.

Обладая кругом символических значений, роза в текстах Борхеса и Эко выполняет роль «персонажа», соотносящего наблюдаемый (временной) и идеальный (вневременный) планы бытия. На этом приеме (идеи в роли персонажей) построен и упоминаемый у обоих авторов средневековый «Roman de la Rose» – «Роман о Розе» Гийома де Лорриса и Жана Клопинеля де Мёна (1240–1280), где поэт, окруженный Опасением, Стыдливостью, Страхом, Красотой, Любезностью, Великодушием, Юностью и др., застывает в изумлении при виде опять же нераспустившейся розы.

Таким образом, соотношение розы с ее архетипом становится иллюстрацией средневекового положения «как на земле, так и на небе...». Согласно Петру Ауреоли (?–1322), «роза» – это форма, или зеркало для интеллекта: смотря на конкретную розу, мы постигаем ее природу (Жильсон 2004: 478). Подобный пример с розой использовал и Мартин Хайдеггер: если мы радуемся в саду цветению роз, то не делаем розу чем-то конкретно представленным; алость розы не есть вещь, конкретный объект, подобный цветущей розе, однако мы мыслим алость, розость как таковые (Жильсон 2004: 478).

Вопрос об истинном имени розы

Употребляя язык, мы, по Борхесу, сталкиваемся с противостоянием *слова* и нетождественной ему *сути* («Мчать или быть?») – проблемой неадекватности именования. Одна из первых интерпретаций темы «истинного имени» разрабатывалась в философии Минуция Феликса (кон. II в. – нач. III в.), писавшего о непостижимости сущности Бога и невыразимости ее в имени: «Его (Бога) нельзя ни понять, ни определить: он не в меру нашего разумения, бесконечный, неизмеримый и только самому себе известный таким, каков он есть...» (Минуций Феликс 1981: 8-10).

То бесконечное, к которому обращен символический знак, никогда не обретет полного выражения. Согласно Борхесу, розу можно *назвать, но не суждено выразить* («Желтая роза»); *и для стиха недостижимая роза* («Роза»). Однако Борхес предполагает, что дискурс все-таки может достичь такого состояния, когда вербальный знак, минуя вещь, «напрямую» окажется соотношенным с ее прообразом:

Прообраз вещи – наименование,

И роза спит уже в ее названье («Голем»).

В этом случае человек обретет возможность повторить процесс Творения по Слову. Так, роза как таковая бессмертна (*unending rose, вневременная роза*): поскольку невозможен возврат к небытию, ее нельзя уничтожить даже в огне. Превратив розу в щепотку пепла, Парацельс тихо произнес Слово – *и возникла роза* («Роза Парацельса») – та самая, *воскресающая волшебством алхимика из теплой горстки пепла* («Роза»). И вновь возможна отсылка к У. Эко: *rosa queal prado, encarnada...* – роза, вызванная к жизни... (эпиграф к «Запискам на полях...»). В этом же контексте в «Имени розы» неоднократно упоминается о том, что текст вызывает к жизни действительность.

Философский язык: инструменты сущностной стратегии именования

По Э. Жильсону, мир состарился, пытаясь разрешить проблему универсалий (Жильсон 2004: 209). И сейчас она обсуждается вновь, но уже в контексте философии языка – в связи с возможными стратегиями отображения мира. Философское высказывание в большей степени определяется контекстом «везде-всегда», чем «я-здесь-

сейчас». Соответственно, подобное высказывание строится на языке реалистического типа, а его стратегией становится именование сущностей познаваемой реальности.

Основным инструментом стратегии сущностного именования, или соотнесения знака с прообразом вещи, становятся общие имена – имена классов вещей и присущих классам отношений (собственно предикаты) – знаки, лишённые конкретного референта, отсылающие ко множеству объектов, существующих вне определенной точки времени и пространства (у Борхеса *перс говорит о птице, которая каким-то образом есть все птицы сразу*). Общие имена выступают в роли предельных терминов (*terminus ad quem*), способных охватить все уже свершившиеся и будущие воплощения некоторой идеи. Такова одна из возможных интерпретаций латинского изречения *nomina sunt consequentia rerum*. Имя выражает *прообраз вещи: роза спит уже в ее названии* («Голем»). Оно «редуцирует» и приводит к универсальному типу все множественные варианты индивидуального: *львиность* есть некий бессмертный лев, живущий за счет непрерывно воспроизводящихся индивидов («История вечности»).

Сравните это с номиналистической позицией именования, пример которой дан в новелле Борхеса «Фунес, чудо памяти»: Иренео Фунесу казалось неправильным, что *собака в три часа четырнадцать минут (видимая в профиль) имеет то же имя, что собака в три часа пятнадцать минут (видимая в анфас)*.

Поскольку общее имя не имеет отношения к представлению о биологическом роде (к «он» или «она»), этот тип знака становится единственно возможным для обозначения универсалий⁴. Значения общих имен (в частности, и имени *роза*) являются стабильными, контекстно независимыми и «аксиоматическими», что исключает возможность их эмпирической проверки, или верификации. Подчеркивая универсальность общего имени (термина), Борхес и Эко используют и удвоенное обозначение: *роза роз, книга книг* как роза и книга, открывающие череду воплощений всех возможных роз и книг.

Таким образом, символ, как знак, взятый в семиотической системе координат, с точки зрения характера номинации, функционирует как общее имя, предназначенное для именования прообразов, инвариантных элементов реальности. Следствием подобного типа номинации, как было показано выше, становится неизбежная безатрибутивность общего имени.

Принимаемое Борхесом и Эко положение о связи общего имени с прообразом или идеей вещи предполагает также, что:

- автор, использующий подобную стратегию, выполняет роль «транслятора», передавая неизменный порядок, свойственный истинной действительности – миру архетипов. По Борхесу, понятия «истинности», «правды» не связываются напрямую с автором высказывания. Так, в литературных текстах Глёна («Глён, Укбар, Орбис Терциус») автор указывается крайне редко: *Нет понятия «плагиат», само собой разумеется, что все произведения суть произведения одного автора, вневременного и анонимного... Беллетристика разрабатывает один-единственный сюжет со всеми мыслимыми перестановками;*

- смысл, отображаемый в знаке, не рассматривается как авторская «собственность»: «в философии слово раздается из «всегда», и его значимость не ограничена отнесением к определенному индивиду, лирическому «я», его манифестации в определенный момент времени» (Эпштейн 2001: 117). Сравним это положение с характером

⁴ Лат. *universalia* как абстрактный термин, образованный от прилагательного, обладает грамматическими значениями множественного числа и среднего рода. В переводе же на русский язык мы имеем грамматически неадекватную форму существительного женского рода – универсалия.

номиналистического дискурса, где создателем и властителем смыслов выступает автор высказывания.

Обращаясь к теме «роза», Х.Л. Борхес и У. Эко в художественной форме интерпретируют проблемы, связанные с функционированием языка. Можно даже сказать, что в большой степени интерпретация мира у данных авторов предопределяется самим способом употребления языка.

В беседе с Ж. де Мийере Борхес подчеркивал, что его литературу невозможно отделить от его философии: «...цель в том и состоит, чтобы слить их воедино. ...Я просто опробовал литературные возможности такой философской системы, как идеализм...» (Борхес 1994/3: 413). В отличие от Борхеса, У. Эко – это «профессиональный» семиотик и философ языка⁵. Но и его тексты очень условно можно разделять на академические (научные) и художественные: романы Эко – это те же академические тексты, но с иной формой интерпретации лингвофилософских проблем. Определение «литература-как-философия» (Колесников 2000: 8-36) было бы очень упрощенным по отношению к текстам названных авторов. В рамках данной работы я пробовала показать, что «художественные» тексты Эко и Борхеса являются, на самом деле, относительно самостоятельным модусом философии языка, который должен включаться в поле зрения теоретической лингвистики.

Размышления о языке как инструменте познания / сотворения мира уже неединичны для литературы конца XX в. (Хорхе Борхес, Станислав Лем, Чеслав Милош, Арсений Тарковский и др.), однако «серьезная» наука или не принимает их во внимание, или, в лучшем случае, рассматривает художественный дискурс как иллюстрацию к некоторым теоретическим построениям. Художественная форма действительно позволяет «абстракциям» обрести телесность – совершить переход от символического отображения отношений между языком и миром (логика, математика) к отображению метафорическому, включающему в анализ и наше воображение. Но функция такого дискурса все-таки глубже: наряду с лингвистикой, семиотикой, логикой, литература включается в создание языка, позволяющего развивать наши представления о вероятностной структуре мира (В. Налимов, И. Пригожин).

⁵ К наиболее известным «академическим» текстам У. Эко относятся, например: *Eco U. A Theory of Semiotics* / U. Eco. Bloomington: IN, 1979; *Eco U. Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition* / U. Eco. New York: Harvest Books, 2000; *Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language* / U. Eco. Bloomington: Indiana U.P., 1984; *Eco U. The Search for the Perfect Language* / U. Eco. Oxford: Blackwell, 1995 и др.

Библиографический список

- Eco U.* A Theory of Semiotics / U. Eco. Bloomington: IN, 1979.
- Eco U.* Dopiski na marginesie «Imienia róży» / U. Eco // Imię róży. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987. S. 593-623.
- Eco U.* Imię róży / U. Eco. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987.
- Eco U.* Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition / U. Eco. New York: Harvest Books, 2000.
- Eco U.* Semiotics and the Philosophy of Language / U. Eco. Bloomington: Indiana U.P., 1984.
- Eco U.* The Search for the Perfect Language / U. Eco. Oxford: Blackwell, 1995.
- Борхес Х.Л.* Сочинения в трех томах / Х.Л. Борхес. Рига: Полярис, 1994.
- Бозций* Утешение философией и другие трактаты / Бозций. М., 1991.
- Жильсон Э.* Философия в средние века / Э. Жильсон. М.: Республика, 2004.
- Колесников А.С.* Философия и литература: современный дискурс / А.С. Колесников // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 8-36.
- Лотман Ю.* Выход из лабиринта / Ю. Лотман // У. Эко. Имя розы. М., 1998. С. 650-669.
- Мартин Хайдеггер и теология. М., 1974. Ч I. С. 28-29.
- Минуций Феликс* Октавий / Феликс Минуций // Богословские труды. М., 1981. Вып. 22. С. 8-10.
- Хейзинга Й.* Осень Средневековья / Й. Хейзинга. М.: Наука, 1988. С. 225.
- Эко У.* Средние века уже начались / У. Эко // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258-267.
- Эко У.* Остров накануне / У. Эко. СПб.: Симпозиум, 1999.
- Эпштейн М.* Философия возможного / М. Эпштейн. СПб.: Алетейя, 2001.